Перехода Е. И.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/50.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 133-135. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

6. **Чарыкова, О. Н.** Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте [Текст] / О. Н. Чарыкова. - Воронеж: Истоки, 2000. - 193 с.
7. **Bello, A.** Gramática de la lengua castellana [Text] / A. Bello, R. Cuervo. - La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1978. - 546 p.
8. **Charaudeau, P.** Grammaire du sens et de l'expresion [Text] / P. Charaudeau. - P.: Hachette, 1992. - 927 p.
9. **Gutiérrez Araus, M. L.** Sistema y discurso en las formas verbales del pasado [Text] / M. L. Gutiérrez Araus // Revista española de Linguística. - 1998. - № 2. - P. 275-300.
10. **Roca Pons, J.** Introducción a la gramática [Text] / J. Roca Pons. - Barcelona: Teide, 1976. - Tomo II. - 239 p.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Перехода Е. И.
Ставропольский государственный университет

В последнее время внимание языковедов привлекают тончайшие оттенки стилистического значения языковых единиц различных уровней, в том числе и синтаксиса. Как отмечают многие современные лингвисты, синтаксис обладает широким стилистическим потенциалом, что обусловлено его тесной связью с мышлением, так как конструируя свою речь, говорящий в первую очередь обращается к правилам синтаксиса. Таким образом, существует непосредственная связь «между структурой предложения как единицы языка и структурой логического суждения как основной формы мышления» [Бархударов 2008: 188]. Стилистический эффект, создаваемый при помощи единиц этого языкового уровня, основан на существовании синонимии различных типов синтаксических конструкций, одна из которых нейтральна, так как обладает традиционными синтаксическими связями, а остальные характеризуются их переосмыслением, и, следовательно, получают стилистическое значение [Арнольд 1981: 160]. Сравним, например, следующее синонимичные пары побудительных предложений: Come here, please! - Here please!; Wait a moment - Just a moment.

Синтаксические конструкции, обладающие экспрессивной коннотацией, называют фигурами речи. Это такие конструкции, в которых наблюдается необычное размещение элементов, нарушение замкнутости предложения, пропуск логически необходимых элементов или добавление избыточных. И, наконец, синтаксическая конструкция может быть подвергнута переосмыслению, или транспозиции. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все виды фигур речи, поэтому мы рассмотрим только стилистические возможности порядка слов в английском предложении.

В английском языке порядок слов в предложении играет большую роль в семантическом плане, чем в русском или в любом другом флективном языке. А. Ф. Смирницкий выделил три функции порядка слов в английском предложении: 1) грамматическая функция, которая состоит в том, что порядок слов служит для выражения определенных синтаксических отношений; 2) выражение порядком слов лексического подлежащего и лексического сказуемого; 3) экспрессивно-стилистическая функция [Смирницкий 1957: 62]. В речи порядок слов может выполнять несколько функций одновременно, но обязательно одна из них будет главной. Из-за аналитического характера языка порядок слов в английском предложении несет большую грамматическую нагрузку. Это приводит к тому, что возможности использования порядка слов для создания стилистического эффекта весьма ограничены. Так, если в языках флективного типа можно довольно свободно переставлять слова в предложении для придания речи экспрессивности, то в английском языке часто этого нельзя сделать, не нарушив синтаксических связей между словами и не изменив смысл. Довольно редкое использование делает этот стилистический приём ещё более стилистически значимым.

В начале, следует определить, что мы будем понимать под термином инверсия в нашей статье. Существует несколько взглядов на это понятие. А. Ф. Смирницкий под инверсией понимал обратный порядок слов в предложении, это те случаи, когда сказуемое предшествует подлежащему [Смирницкий 1957: 70]. Однако, не каждый обратный порядок слов является стилистически маркированным. Так в предложении *Is he a teacher?* такое расположение сказуемого несет только грамматическую информацию и является признаком общего вопроса. Особым случаем обратного порядка слов можно считать предложение с конструкцией There is / are. Формально в таких предложениях сказуемое предшествует подлежащему, но в тоже время, эти конструкции являются узуальными и не обладают стилистической окраской. Мы же рассматриваем инверсию как стилистический прием, и под этим термином мы будем понимать такое нарушение обычного расположения членов предложения, слов и словосочетаний, в результате которого «перестановочный» элемент предложения оказывается выделенным и привлекает к себе внимание [Ахманова 2007: 176].

По взаимному расположению подлежащего и сказуемого можно выделить два типа инверсии: полную и частичную. При полной инверсии сказуемое предшествует подлежащему. На первом месте в предложении, в так называемой эмфатической позиции, может стоять дополнение, обстоятельство, выраженное наречием, или часть сказуемого, выраженная приглагольным наречием. Например:

Away <u>run the merry children</u>.

Never <u>have I</u> seen such a thing!

From this house <u>came the Crime</u>. Inside the house, now, <u>was the Criminal</u> (D. Bischoff. "Hackers").

They'd kept him locked in a room all day, allowing him to chew only on a couple of hamburgers and fries, and his terrible crime against the state. Not until now, when he'd had some time to contemplate things properly, were they bringing questions to bear (D. Bischoff. "Hackers").

Такой вид инверсии довольно редко встречается в английском языке, а благодаря своей окказиональности, он является наиболее эмоциональным. К предложениям с полной инверсией относятся также конструкции с эмфатическим so:

So still was she that had anyone peeked into the moonlit room and seen her lying there they might well have expected to find candles lit at her feet and a crucifix in her hands (J. McNaught. "Almost heaven").

So intent were they that neither of them noticed the man striding swiftly down the aisle (J. McNaught. "Almost heaven").

Особое положение занимают случаи с начальным so в выражениях типа: I am very hungry - So am I; I like it - So do I. В приведённых примерах мы видим обратный порядок слов, но не инверсию, так как выражения такого рода узуальны и не обладают экспрессивно-стилистической коннотацией.

В разговорной речи чаще встречается частичная инверсия, при которой субъект формально предшествует предикату, а в эмфатической позиции стоит наиболее значимый для говорящего элемент. Например, это может быть неизменяемая часть сказуемого:

Away he runs. In she ran. Swim she can, but she is afraid of water.

"Give 'em a lifelong siesta, I would," snarled Uncle Vernon over the end of the newsreader's sentence… (J. K. Rowling. "Harry Potter and the Order of the Phoenix").

Часто в качестве первого элемента в предложениях с частичной инверсией выступают наречия, например:

Up and down he paced, consumed with anger and frustration, grinding his teeth and clenching his fists, casting angry looks out at the empty, star-strewn sky every time he passed the window (J. K. Rowling. "Harry Potter and the Order of the Phoenix").

К выражениям с частичной инверсией относятся также стилистически маркированные предложения с эмфатическими what и how, например:

What a large house that is! What clever people they are! How well she sings!

You must know how sorry we are! (S. Sheldon. "If Tomorrow Comes").

До сих пор является спорным вопрос, являются ли инверсией случаи с обстоятельством времени в препозиции. Многие исследователи считают, что в предложениях типа At 5 o'clock he was at home нет инверсии, так как начальное положение обстоятельства времени не влияет на расположение остальных членов предложения и практически не обладают стилистической окраской. Однако, на наш взгляд, с этим трудно согласится. В конструкциях такого рода речь идет не о субъектно-предикатной инверсии, а о нарушении тема-ремических отношений. Согласно логике высказывания тема в предложении должна предшествовать реме, а в приведённых выше примерах в начальной позиции стоит рема. Таким образом, мы можем отнести эти предложения к конструкциям с коммуникативной инверсией [Серова 1989: 42]. Стоит отметить, что подобные выражения обладают различной степенью эмоциональной окрашенности в зависимости от контекста и смыслового ударения в предложении, этим они отличаются от полной и частичной инверсии, рассмотренной нами выше. Начальное положение и усилинное ударение превращают рему в «логический предикат» [Арнольд 1981: 163] (по мнению А. Ф. Смирницкого, в данном случае речь идет о «лексическом сказуемом» [Смирницкий 1957: 67-69]). При этом, как отмечает И. В. Арнольд, экспрессивность возникает по принципу «расхождения между узуально и ситуативно обозначающим» [Арнольд 1981: 163].

Мы рассмотрели случаи субъектно-предикатной и коммуникативной инверсии, но стилистические возможности порядка слов на этом не исчерпываются. Инверсией считается также дистантное расположение местоимения и относящегося к нему предлога, например:

Who was that Howler from? (J. K. Rowling. "Harry Potter and the Order of the Phoenix").

"I don't know what you need me for. There must be a dozen companies that'd give their eyeteeth to get someone like you" (S. Sheldon. "If Tomorrow Comes").

"What're you doing that for?" (J. K. Rowling "Harry Potter and the Order of the Phoenix").

Такое расположение предлогов характерно в первую очередь разговорному стилю, а значит, инверсия в данном случае будет обладать не экспрессивной, а стилевой коннотацией.

Рассмотрев различные случаи инверсии, мы пришли к выводу, что она играет большую роль в создании стилистического эффекта. Конструкции с инверсией экспрессивны благодаря изменению привычной последовательности элементов в предложении и изменению его мелодики. Однако, следует отличать инверсию от нестилистического обратного порядка слов, а так же тех случаев, когда нарушения в построении высказывания связанными с неграмотностью говорящего.

Список использованной литературы

1. **Арнольд И. В.** Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – Л.: Просвещение, 1981. - 295 с.

2. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. - 576 с.

3. **Бархударов Л. С.** Структура простого предложения современного английского языка. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008. - 200 с.

4. **Серова Л. Ф.** Коммуникативная инверсия как приём стилизации // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы: Межвузовский сборник. - Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1989. - Вып. 6. - С. 42-49.
5. **Смирницкий А. Ф.** Синтаксис английского языка. - М.: Изд-во литературы на ин. языках, 1957. - 287 с.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Пивоварчик Т. А.
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Персональность - универсальная категория, значения которой связаны с предметным миром и с когнитивно-познавательной деятельностью человека, а потому несут объективную информацию, устойчиво закрепленную за языковыми единицами. Однако в речи регулярно обнаруживаются дополнительные смыслы, не заложенные в языковой системе и возникающие в конкретных высказываниях - прежде всего в зависимости от интенции говорящего и в связи с его отношением к остальным участникам коммуникативного процесса. Языковые средства, образующие функционально-семантическое поле персональности (в том числе и притяжательные местоимения со значением ‘лица-атрибута’), выполняют прагматические функции - служат инструментом для регулирования коммуникативных отношений говорящего с разными людьми в меняющихся обстоятельствах благодаря персонализации - актуализации коммуникативной (межличностной, статусно- и ситуационно-ролевой) соотнесенности участников речевой ситуации [Пивоварчик 2005].

Одно и то же местоимение может одновременно выполнять функции, возложенные на него языковой категорией персональности, - референции и идентификации (последняя включает в себя номинативную, указательную и дескриптивную функции) и регулятивные функции, связанные с персонализацией, - перлокуции, вежливости, фатическую, фокальную, социально-прескриптивную, эмотивно-оценочную и эмоциогенную, аксиологическую и под. Притяжательные прилагательные в той или иной степени осознанно и намеренно используются говорящим для конструирования межличностного пространства, установления границ между «своей» и «чужой» территориями: «диалогический подход возможен… даже к отдельному слову, если оно воспринимается не как безличное слово языка, а как знак чужой смысловой позиции, как представитель чужого высказывания, то есть если мы слышим в ней чужой голос» [Бахтин 1979: 213]. Вспомним тонкое наблюдение А. М. Пешковского: «…Едва ли случайно Борис Годунов говорит в одном случае: *в семье **моей** я мнил найти отраду, я дочь **мою** мнил осчастливить браком…,* а в другом случае - *кто ни умрет, я всех убийца тайный: я ускорил Феодора кончину, я отравил **свою** сестру царицу…* Во втором случае *свой* больше подходит, чем *мой*, потому что высказывается мнение не самого Бориса, а его хулителей, которые про него говорили: *«Он отравил **свою** сестру»*, так что *свой* намекает здесь на этих хулителей, а *мою* излишне подчеркивало бы участие говорящего в той мысли, которой он на самом деле не разделяет» [Пешковский 1956: 162].

Сравните, какую градацию претерпевают способы называния жениха в речи постепенно охладевающей к нему девушки в рассказе А. П. Чехова «Невеста»: *Вот вы только что говорили про **моего Андрея**, но ведь вы его не знаете* (*мой* + личное имя → ‘он принадлежит к моей личной сфере; если вы относитесь хорошо ко мне, то так же должны относиться к нему’); *Я не люблю **этого человека**… И говорить о нем не могу* (*этот* (хотя известно имя) + гипероним *человек* → ‘он мне чужой’)*; И что такое **твой Андрей Андреич**? Ведь он же не умен, мама* (*твой* → ‘он мне не только чужой, с которым я намерена поддерживать официальные отношения, но и я считаю возможным относиться к нему негативно’).

Прагматически актуализированное употребление в диалогической речи притяжательных местоимений позволяет регулировать взаимоотношения говорящего с его собеседниками на основе обращения к трем лингвосемиотическим оппозициям:

1) на оппозиции *свой/чужой* адресант регулирует взаимоотношения с адресатом, включая его в свою личную, социальную (возрастную, гендерную и т.п.), этнокультурную сферу или исключая из нее, а также причисляя или не причисляя себя к подобной сфере адресата. При сближении сфер актуализируются чувственные прагмасмыслы - солидарности, интимности, сопричастности, соучастия, открытости, сотрудничества, компромисса, сходства, совместности; при отдалении сфер возникают прагмасмыслы отчуждения, поляризации интересов, дискретности, замкнутости, холодности, отстраненности, соперничества, враждебности, контраста, осуществляется переход на отношения *верх/низ*;

2) на оппозиции *тепло/холодно* устанавливаемая говорящим тональность общения предполагает демонстрацию расположения (актуализируются значения доверительности, симпатии, эмпатии, интимности, теплоты, дружественности, заинтересованности) или нерасположения (холодности, неприязни, враждебности, безразличия, индифферентности) к адресату. Это экспликация эмотивного компонента во взаимоотношениях: люблю/не люблю, нравится/не нравится, гнев на адресата, недовольство адресатом, презрение к адресату и т.д.;

3) оппозиция *хорошо/плохо* связана с регулированием взаимодействия коммуникантов на основе включения общих оценок *настоящее/ненастоящее, сильное/слабое, правильно/неправильно, одобряемо/неодобряемо, допустимо/ недопустимо* и т.п. Такой оценке может подвергаться сам адресант, адресат, а